

Н. Л. Делоне

*Рассказ моего отца о девочке,
которая потом стала*

*матерью
Марией*

Москва
ООО «Имидж-Пресс»
2 0 0 5

Н. Л. Делоне

*Рассказ моего отца о девочке,
которая потом стала*

*матерью
Марией*

УДК 271.2-788-055.2 + 929Мария

ББК 86.37

Д29

Делоне Н. Л.

Д29 Рассказ моего отца о девочке, которая потом стала Матерью Марией. /

Н. Л. Делоне. — М.: Имидж-Пресс, 2005. — 32 с.

ISBN 5-94209-004-1

Воспоминания о Е. Ю. Кузьминой-Караваевой (матери Марии), урожденной Пиленко, написанные ее родственницей, связаны, главным образом, с детством Елизаветы Юрьевны, прошедшем на берегу Черного моря, в Анапе, и с историей семьи Делоне.

Рассказы отца, родственников и друзей, переданные автором в неспешном, доверительном тоне, дают представление об атмосфере большого семейства, в котором формировалась яркая личность будущей матери Марии, и поныне вызывающая интерес, восхищение и горячие споры. Книга содержит также стихотворения Е. Ю. Кузьминой-Караваевой и адресована всем тем читателям, кто заинтересован в сохранении духовной и исторической памяти нашей Родины.

УДК 271.2-788-055.2 + 929Мария
ББК 86.37

© Делоне Н. Л., 2005
© ООО «Имидж-Пресс», 2005

ISBN 5-94209-004-1

Сайт Н.Л. Делоне: www.N-L-Delone.ru Зеркало сайта: <http://delone.botaniklife.ru>

Легенды рода

Я двоюродная племянница Елизаветы Юрьевны Пиленко. Мой отец, Лев Николаевич Делоне, был двоюродным братом Лизы Пиленко (потом поэта Е. Ю. Кузьминой-Караваевой, общественной деятельницы Е. Ю. Скобцовой и, наконец, матери Марии). Он хорошо знал Лизу Пиленко, когда они были детьми. Его умение и любовь рассказывать украшали общение с ним, и я всегда с радостью слушала воспоминания отца, но боюсь, что не сумею хорошо передать то, что помню.

«Говорить о детстве и легко и трудно. Его легко описывать, но в это описание слишком часто проникает слащавость, которая совершенно чужда такому важному и главному периоду жизни как детство» (А. А. Ахматова). Поэтому я хочу рассказать только несколько эпизодов из детства Лизы, отнюдь не претендуя на анализ ее характера.

В 1903 году все семейство профессора Николая Борисовича Делоне гостило в Джемете вблизи Анапы в поместье Юрия Дмитриевича Пиленко в течение длинного летнего сезона. У Николая Борисовича было 3 сына — Борис 12 лет, Лев 11 лет и Александр 9 лет и жена Надежда Александровна. В семье Ю. Д. Пиленко тоже росли дети: дочь Елизавета, сверстница моего отца 11 лет, и сын Дмитрий на два года ее моложе. Детям предстояло подружиться и прожить вместе несколько месяцев. Их сближало то, что у них были общие дедушка и бабушка, а Софья Борисовна, мать Лизы, нежно любила своего единственного брата Николеньку.

Есть несколько биографических книг, посвященных матери Марии, где подробно описаны ее предки, и очень хорошее исследование А. С. Шарова «Русские Делоне». Тем не менее мне кажется, что рассказы моего отца, тетки и бабушки, которые я хорошо помню, могут дополнить эту литературу. Нужно только ничего не прибавить от себя, ничуть не наврать.

Существуют две родословные, составленные одна Николаем Борисовичем Делоне, моим дедом, и другая — Борисом Николаевичем Делоне, моим дядей. Кроме того, есть неопубликованные «Воспоминания» Наталии Николаевны Делоне, моей тетки. В своих воспоминаниях тетя пишет: «Мой прадед Пьер Делоне происходил из знатной, но обедневшей гасконской семьи Де Лоне (De Launay). Род Де Лоне вел свое происхождение от Людовика Святого (1226 — 1270). Совсем недавно

моя двоюродная сестра Анна Борисовна Делоне получила подтверждение о Делоне, числящемся в списке потомков Людовика Святого».

Далее тетя пишет: «Один из представителей этого рода решил поправить свое материальное положение, согласившись принять на себя должность коменданта Бастилии... Должность эта передавалась по наследству». Сын первого коменданта Де Лоне был обезглавлен при взятии Бастилии восставшими 14 июля 1789 года (о чем пишется во всех учебниках истории). Ему отрубили голову и носили ее, надетую на пику, по улицам Парижа. Погибший комендант Бастилии был дядей Пьера Делоне. Сергей Владимирович Пиленко, собирая генеалогические сведения, утверждал: «Pierre Charles Marie de Launay был племянником Бернара Делоне (Bernard de Launay), маркиза и коменданта Бастилии. Пьеру Делоне было 19 лет, когда он в должности врача пришел с армией Наполеона в Россию».

История русских Делоне началась в 1812 году, когда Пьер Делоне после бегства французской армии остался в России. Он женился на Елизавете Николаевне Тухачевской. В энциклопедии Брокгауза и Ефрона сказано: «Николай Сергеевич Тухачевский был Тульским губернатором. Род Тухачевских внесен в VI часть родословной книги Московской губернии».

Борис Петрович Делоне — дедушка Лизы по материнской линии

Пьер Делоне венчался в глухой деревеньке, тайком. Вскоре, в 1828 году, родился сын Борис, всего у них было два мальчика и три девочки. Работал Петр Карлович Делоне врачом. В 1843 году в Москве была издана книжка П. К. Делоне «О применении лимонной кислоты при родах». Ее можно прочесть в Российской государственной библиотеке (в прошлом — библиотеке им. Ленина). Борис Петрович Делоне, так же как и отец, был врачом. Он окончил Московский университет. В Российской государственной библиотеке сохранилось две написанные им книги по медицине. Как военный врач он находился в действу-

ющей армии на Балканах и был участником русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Затем он служил в различных воинских частях, последние годы был старшим врачом Третьего гренадерского полка.

Борис Петрович был человеком порывистым и, влюбившись в Софью Александровну Дмитриеву-Мамонову, он на тройке похитил ее и тайно венчался.

Семья Дмитриевых-Мамоновых очень ценила то обстоятельство, что они Рюриковичи. В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона говорится: «Дмитриевы-Мамоновы — русский дворянский и графский род, происходящий от князя Константина Ростиславовича Смоленского, внук которого был родоначальником Дмитриевых, Дмитриевых-Мамоновых и Даниловых». Во времена Екатерины II один из рода Дмитриевых-Мамоновых — Александр Матвеевич был фаворитом императрицы. Он в качестве генерал-майора и камергера сопровождал императрицу в Крым. Мой отец говорил, что тетка Александра Матвеевича была женой Ивана Андреевича Фонвизина, написавшего великолепную комедию «Недоросль». Женитьба графа на фрейлине императорского двора разгневала Екатерину II, и она выслала молодую семью в Москву, где пожаловала им дворец (теперь это старое здание института Химфизики РАН).

В дальнейшем добиться благоволения у императрицы граф не сумел. Сын его граф Матвей Александрович во время войны 1812 года снарядил полк в тысячу душ, о чем также написано Л. Н. Толстым в «Войне и мире» с сохранением фамилии. В 1814 году он участвовал в создании организации «Орден русских рыцарей». Матвей Александрович был сослан в подмосковную деревню, где его держали взаперти. Мой отец передавал со слов дедушки, что узника приковали к стене и на голову капали воду. Его называли «знаменитым сумасшедшим».

Среди Дмитриевых-Мамоновых были писатели и знаменитые художники, но особое место в своих воспоминаниях моя двоюродная бабушка Софья Борисовна уделяла своим родственникам князьям Нарышкиным. Об этом обстоятельстве упоминает Анна Андреевна Ахматова в своих воспоминаниях. «Воспоминания о М. Л. Лозинском» начинаются так: «Меня познакомила с ним Лиза Кузьмина-Караваева

в 1911 году на втором собрании Цеха поэтов у нее на Манежной площади. Это была великолепная квартира Лизиной матери (Пиленко), рожденной чуть ли не Нарышкиными. Сама Лиза жила с Митей Кузьминым-Караваевым по-студенчески».

У нас сохранялся герб Дмитриевых-Мамоновых, нарисованный на ткани. Но его увез мой племянник поэт-дессидент Вадим Делоне, когда его выдворили во Францию. Софья Борисовна так описала этот герб: «Мама была из очень аристократической семьи Рюриковичей. В гербе Дмитриевых-Мамоновых был ангел — Киевский герб и птицы на пушке — Смоленский». У Сергея Дмитриевича Пиленко, троюродного брата матери Марии, сберегалось генеалогическое древо семьи Пиленко, где были нарисованы гербы родов Дмитриевых-Мамоновых, Тухачевских, Пиленко, а также герб династии Романовых. Один из предков матери Марии руководитель Военной коллегии при Петре I генерал Василий Михайлович Дмитриев-Мамонов был женат на племяннице царя. Софья Борисовна Пиленко писала в своих воспоминаниях, что в семье ее матери долгое время берегли две реликвии: образ, которым Петр I благословил брак своей племянницы, и портрет Петра I, написанный с натуры Карлом Моором.

Но вернемся к Борису Петровичу Делоне — деду матери Марии. Он был известным врачом, моя тетя пишет: «Дедушка Борис Петрович считал своим долгом лечить всех обращающихся к нему бедных бесплатно». Он был человеком твердых убеждений и не желал мириться с начальственными мерзостями. Мой отец рассказывал, что, будучи еще военным врачом, он однажды застал за кражей главного врача больницы и с криком «Гнусный казнокрад!» избил его кивером. Его могли бы засудить в солдаты. Но за него просила тетка его жены фрейлина императрицы, и та помогла. Позднее, уже в другом месте, Борис Петрович встретил на мосту через речку какое-то начальственное лицо, подошел к нему и стал заступаться за одного из своих больных. Тот грубо ему ответил. Борис Петрович не стерпел, поднял его за шиворот и за пояс и сбросил в реку. Этот начальник отделался холодным купанием. Прадедушка был страстным охотником. Есть его прекрасный портрет в меховой шубе, но с ружьем кисти художника Э. А. Дмитриева-Мамонова. Борис Петрович был первоклассным врачом и работал всю жизнь. Умер он в 1887 году.

У Бориса Петровича был сын Николай и дочь Софья. Николаю Борисовичу Делоне было 30 лет, когда умер его отец, сестре Софье Борисовне — 23 года.

Николай Борисович был дядей Лизы Пиленко, в будущем матери Марии, а для меня это был любимый деденька. Я его хорошо помню. Поэтому что мне было уже 8 лет, когда он умер. Что за милый, солнечный человек был мой дед! Я была его первой внучкой. Он прекрасно со мной занимался. Когда я была совсем маленькой, он придумал игру в «как будто бы». Заклучалась эта игра в том, что он лежал на диване и читал

Софья (в будущем мать Лизы) со своим братом Николаем и отцом Борисом Петровичем Делоне

газету, а я суежилась вокруг него, воображая, что мы как будто бы куда-то едем, как будто бы тонем в море, как будто бы живем на необитаемом острове. Он время от времени мне подыгрывал и мы оба были очень довольны. Деденька прекрасно читал вслух. Еще лучше рассказывал. Я не помню его играющим на виолончели, хотя знаю, что он раньше любил и умел этим заниматься. А вот на рояле он играл всегда один и тот же марш, а я танцевала. Мы еще очень увлекались пением, пели удалую песню «Ах вы кони, мои кони», «Песню радости», очень наивную «Жил да был один пирюшечка и поехал он в Плюты» и польскую «Краковячек беден, мьял коников седем, поихав на войну, заиставсь ему еден». Деденька возил меня часто в церковь. Он был по-настоящему верующим человеком. Как-то мой отец зашел со мной в церковь и был удивлен, когда я потребовала поднести меня к иконе: «Чтобы поцеловать Боженьку».

Николай Борисович Делоне был известным ученым, о нем написано в Большой советской энциклопедии (1972) следую-

щее: «Делоне Николай Борисович (1856 – 1931), один из пионеров русского планеризма, пропагандист и популяризатор авиационных знаний. Ученик Н. Е. Жуковского. Окончил физико-математический факультет университета. Профессор ряда институтов (в том числе Киевского политехнического в 1906 – 1928). Построил несколько планеров-бипланов, на которых совершались многочисленные полеты. В это же время организовал при Киевском политехническом институте воздухоплавательный кружок, многие из членов которого стали впоследствии видными деятелями авиации. Автор руководства по планеризму и ряда учебников по механике. Николай Борисович имел успех в области механики, теории ударов и теории механизмов, изобрел ряд научных приборов, интересовался теорией чисел». Его ученик И. И. Сикорский, став в США знаменитым авиаконструктором, помогал семье Делоне в голодные годы после революции, присылая посылки.

Самые счастливые годы связаны с жизнью семьи в Новой Александрии, начиная с 1895 года, где Николай Борисович был профессором. Затем его перевели в Политехнический ин-

Николай Борисович Делоне
и его жена Надежда Александровна
Георгиевская

ститут в Варшаву, где он создал кафедру практической механики. В 1905 году было подавлено волнение польских студентов, а Николаю Борисовичу, который поддерживал студентов, предложили подать в отставку. Так произошел переезд в Киевский политехнический институт.

Дед очень ценил Николая Егоровича Жуковского и много о нем рассказывал. Одну черту своего учителя он особенно подчеркивал — это терпимость. Когда деденька начинал говорить о своих научных противниках, он, увлекаясь, начинал с присущим ему блеском отмечать их

скверные черты, на что Николай Егорович Жуковский возражал: «Ах, Николай Борисович, Вы напрасно так остроумничаете, ведь это вполне почтенный и достойный человек».

Николай Борисович вел большую просветительскую деятельность, читая лекции для широкой публики. Деденька был очень популярен в Киеве. Повсюду висели афиши с оповещением о его лекциях. Меня учили, если я потеряюсь на улице, говорить: «Я внучка профессора Делоне», а я говорила: «Я ануча ассесора Дельне». В семье почему-то очень боялись, что я потеряюсь, ходила я гулять в сопровождении Тимы, бывшего морского денщика, раненного под Цусимой.

Николай Борисович Делоне говорил, что человечество должно быть благодарно тому, что началась эра авиации не только из-за того, что легче будет передвигаться, но также потому, что нельзя, имея такую технику, не ужаснуться, задумывая войны, так как они станут очень разрушительными. «И, наконец, люди станут жить без войн!» Милый мой деденька, он не знал, что, приобретя еще большие возможности разрушать и проливать кровь, люди до сих пор не остановились.

Николай Борисович интересовался и общими вопросами бытия. В его доме происходили научно-философские семинары, где собирались естественники, философы и священники. Для глубоко религиозного человека, каким был Николай Борисович, Вера и Наука не противостояли друг другу.

Николай Борисович Делоне был женат на Надежде Александровне — дочери видного деятеля народного просвещения, товарища (заместителя) Министра, действительного тайного советника Александра Ивановича Георгиевского. Он внедрял классическое среднее образование, насыщенное преподаванием древних языков. В Большой советской энциклопедии (1971) статья о нем начинается так: «А. И. Георгиевский — яркий реакционер». Он был педантичен, крайне работоспособен, сух в обращении с людьми, и мой отец утверждал, что Каренин списан Л. Н. Толстым с его деда. Прототипом называют другого, просто Александр Иванович, по-видимому, был типичным представителем верхнего слоя чиновников. Но его жизнь сложилась так, что он стал близким другом Федора Ивановича Тютчева. Дело в том, что Мария Александровна Денисьева, жена Александра Ивановича, имела сестру Елену Александровну, ту самую Лелю, которая была «последней лю-

Софья Борисовна Пиленко — мать Лизы

бовью» Ф. И. Тютчева и воспета им в прелестных стихах. Его письма моему прадеду, может быть, самый лучший образец эпистолярного искусства: «Александр Иванович! Все кончено — вчера ее похоронили. Пустота, страшная пустота. И даже в смерти не предвижу облегчения. Ах, она мне на земле нужна, а не там, где-то». Надежда Александровна очень ценила своего отца и даже выполняла некоторые секретарские обязанности.

Венчались Николай Борисович и Надежда Александровна в 1888 году. У них бы-

ло три сына и одна дочь. Деденька очень любил свою сестру, и она была привязана к нему. Вот почему и было решено всей семьей поехать в 1903 году в имение Софии Борисовны Пиленко.

Софья Борисовна родилась в 1867 году и прожила почти 100 лет, умерла в 1976 году. В 1890 году она вышла замуж за юриста Юрия Дмитриевича Пиленко. В 1891 году у них родилась дочь Лиза, которой предстояло стать матерью Марией и претерпеть мученическую смерть. Через два года родился сын Дмитрий. Софья Борисовна прожила долгую жизнь, потеряв брата, мужа, сына, дочь и внуков. Сын Дмитрий погиб в 1920 в Гражданскую войну. Внук Юрий Скобцов погиб в концлагере Дора — филиале Бухенвальда. Внучка Гаяна вернулась из Франции в Москву и умерла в 1936 году.

Но когда Лиза Пиленко была маленькой, ничто не предвещало печали.

Родное гнездо Джемете

Предки Елизаветы Юрьевны Пиленко по отцовской линии были запорожские казаки. Дедушка Дмитрий Васильевич был генерал-лейтенантом, начальником Черноморского округа. Он был основателем виноградарства и виноделия на юге России. В 1865 году он получил в вечное пользование землю на Черноморском побережье и основал имение Хан Чокрак, в 1882 году в 5 км от Анапы заложил новое имение Джеметé. Кроме того, до ухода в отставку он заведовал двумя имениями удельного ведомства Абрау-Дюрсо на берегу Черного моря при реках Дагомыс и Дарго и озере Абрау. В 1895 году генерал и его жена умерли и были похоронены в склепе в саду Хан Чокрак, а в парке имения Джемете был установлен бронзовый памятник Дмитрию Васильевичу Пиленко, который простоял до 1917 года.

Имения Хан Чокрак, Джемете и земли наследовал Юрий Дмитриевич Пиленко. В 1895 году он с женой Софьей Борисовной и двумя детьми Елизаветой и Дмитрием переехал из Риги, где родились дети, в Анапу. С тех пор он с увлечением продолжал дело своего отца по развитию виноградарства. В 1905 году Юрий Дмитриевич был назначен директором Никитского ботанического сада и одновременно директором училища, которое существовало при саде. В связи с революционными студенческими волнениями он был уволен и вскоре вернулся в Анапу, где скончался. Захоронен он в родовом склепе в имении Хан Чокрак. Есть сведения, что могилы и памятник сохранились до сих пор. Племянник Юрия Дмитриевича Пиленко основал Анапскую опытную зональную станцию, которая существует и сейчас. Софья Борисовна после смерти мужа продала почти все земли, кроме земель имений Джемете и Хан Чокрак с прилегающим участком виноградников в 60 десятин, и сама вместе с детьми переехала в Петербург. В 1910 году

Дмитрий Васильевич Пиленко
— дедушка Лизы по отцовской
линии

Юрий Дмитриевич Пиленко — отец Лизы

Лиза выходит замуж за Кузьмина-Караваяева, но лето 1912 года проводит в Анапе в имении Джемете, а в 1913-м после разрыва с мужем уезжает в Анапу насовсем. Здесь у нее рождается дочь Гаяна. Февральская революция 1917 года застала Елизавету Юрьевну в Петербурге, но уже в мае она едет к себе в Анапу. Там она становится городским головой, что описано в ее книге «Как я была городским головой». В 1920 году Елизавета Юрьевна, во втором браке Скобцова, покидает родину. С дочерью Гаяной, сыном Юрием и матерью Софьей Борисовной они сели в Новороссийске на па-

роход. Я так подробно остановилась на годах, предшествующих революции и Гражданской войне, чтобы показать, как Елизавета Юрьевна была привержена к своим корням и почему так тосковала по своим имениям и особенно по Джемете. Она была отторгнута от своей земли, но всегда ей предана.

У всех есть родина любимая,
У всех есть край желанный,
Огнем всегда палимая,
Ищу Иерусалима я,
Земли мне Богоданной
Видны поля станичные,
Поля, поля пшеничные,
В степи, всегда туманной,
И люди безразличные
Попрали прах курганный.
Смеются над заветами,
А с древними монетами

Хранят меч талисманный,
Всю жизнь свяжу обетами,
Чтоб видеть край желанный.
(1912)

С девочкой Лизой мой отец познакомился, когда им обоим было по 11 лет. Все лето 1903 года семья Николая Борисовича Делоне прожила в Анапе в имении Пиленко Джемете. Мальчики Делоне — Борис, Лева и Александр сдружились с Лизой и проводили все время с ней и ее младшим братом Димой. Они были близки по возрасту: старшему Борису было 12 лет, а младшему Диме 9. Забавно, но отец, сверстник Лизы, всегда считал ее значительно старше. На фотографиях тех лет Левенька еще мальчишечка, в то время как Лиза выглядит подростком. Она была рослой сильной девочкой, очень общительной и дружелюбной, и, безусловно, сразу стала вожакom в их детской компании.

Прежде всего мне хочется рассказать, что послужило поводом приезда Николая Борисовича с семьей на Кавказ. Рассказ об этом я знаю от отца и бабушки Надежды Александровны Делоне.

Бабушка была очень строгой, но сдержанной. Она закончила Смольный институт, где была на пансионе царя, в связи с этим он приезжал в институт и сидел у ее кровати, когда она заболела, таков был этикет. Мы, внуки, ее очень любили, хотя она не позволяла никакой распушенности. Я помню, как подбежала к ней переполненная чувствами, и объявила: «Ах, бабуса, я в экстазе!». На что она мне сказала: «В экстазе бывают только бездельники, это пошло, ну а в твоём возрасте так даже неприлично».

В начале девяностых годов позапрошлого столетия умерла одна из теток дедушки (Дмитриева-Мамонова) и по завещанию оставила деньги ему и его сестре. Получать наследство поехали Николай Борисович Делоне и Юрий Дмитриевич Пиленко. Юрий Дмитриевич предложил деденьке не делить деньги, а отдать все ему, чтобы он вложил их в расширение виноградников. «Ну зачем тебе деньги, ты их потратишь, а так они будут приносить барыши». Деденька согласился, но когда, приехав домой, рассказал бабушке, она очень рассердилась

и долго его отчитывала: «Тебя так легко обвести вокруг пальца». Самое забавное, что бабушка помнила об этом и сердилась уже в Советское время, хотя, конечно, понимала, что им во время революции было бы много хуже, если бы у них было пресловутое наследство. Юрий Дмитриевич через некоторое время предложил завещать часть виноградников моему отцу: «Левенька любит животных и растения, да и сельское хозяйство ему нравится. Вот и получит долю». Но Юрий Дмитриевич умер внезапно в 1906 году, не оставив завещания, таким образом, отец не стал помещиком.

Чтобы наладить родственные отношения и «растопить лед», было предложено семье Николая Борисовича летний сезон провести на Кавказе. Софьи Борисовна в своих воспоминаниях писала: «Мужу пришлось управлять большим хозяйством в Анапе. Когда мы приехали, это было захолустье, а потом превратилось в курорт, особенно полезный для детей».

Имение было большое. Описание его есть у Юрия Владимировича Пиленко в его книге «Родной омут»: «Северо-западная часть нынешней Кубанской области с ее Черноморским побережьем и бывшей турецкой крепостью Анапа была окончательно занята Россией во время Крымской войны. Из заселявших прежде эту часть Таманского полуострова черкесов осталось только несколько сотен семейств, живущих в ауле Черкесском и на кое-где разбросанных хуторах. Остальные переселились с женами и детьми в Турцию. Вся земля, оставшаяся без владельцев, стала достоянием поселенцев — казаков. Одним из таких участков, но значительно превосходящих других по размеру, было имение Пиленко. Построенная генералом усадьба с примыкающим парком была расположена в самом начале большой балки. Немного выше усадьбы, за густыми орешниками, находились родники. Даже летом, в самую большую засуху, когда вся степь вокруг желтела и знойный ветер гнал по дорогам облака пыли, такой же полной и ровной струей, точно торопясь вырваться из темной глубины земли, выбегала наружу студеная, прозрачная, как хрусталь, вода и, сливаясь в быстрый ручеек, наполняла глубокий пруд. Ниже пруда, за плотиной, виднелась над вербами крыша мельницы. Направо, по склону холма, поднимались ряды молодого винограда. Налево, по другую сторону балки, раскинулся большой плодовый сад.

Немного поодаль начинался длинный скотный двор. За ним тянулись сараи, конюшня, амбар и «казармы» для рабочих. Прямо против пруда стоял господский дом. Красивый двухэтажный дом с башней построил известный русский архитектор Цейдлер. Дети называли дом замком. Мой отец говорил о том, что его поразила пронзительная синева неба постоянно блистающего в жарком лете, белые акации с гроздьями удушающего аромата, песчаные дюны и у моря непрерывный шум волн, всегда разный, если его долго слушать. Из воспоминаний Елизаветы Юрьевны «Встречи с Блоком»: «После обеда он показывал мне снимки Нормандии в Бретани, где он был летом, говорил о Наугейме, связанном с особыми мистическими переживаниями, спрашивал о моем прежнем. Еще говорили о родных пейзажах, вне которых нельзя понять до конца человека. Я говорила, что мое — это бурное, почти черное море, песчаные перекаты высоких пустынных дюн, серебряно-сизый камыш и крики бакланов». И еще в воспоминаниях 1936 года:

«Я даже и сейчас помню пейзаж... Рассвет жаркого летнего дня. Ровное румяное небо. Черные узоры овальных листьев акаций. Громкое чириканье воробьев».

И солнце — пламеневший слиток —
Погасло у последней грани,
Моря слилися в океане,
И свилось небо в пыльный свиток.
«Скифские черепки»

(1912)

Вела звериная тропа
Меня к воде седой залива;
Раскинулась за мною нива;
Колосья зрелы, ждут серпа.
Но вдруг тропу мне пересек
Бушующий поток обвала,
За ним вода дробясь бежала,
Чтоб слиться с бегом тихих рек.
И я чужая всем средь гор
С моею верой, с тайным словом,
Прислушалась к незримым зовам

Из гнезд, берлог земных и нор.
 Я слышала: шуршит тростник,
 Деревья клонят низко ветки,
 Скользит паук по серой сетке;
 Так тайну тайн мой дух постиг.
 Как будто много крепких жил
 Меня навек с землей связало;
 Как будто в бешенстве обвала
 Мне рок свой образ обнажил.
 И то, что знает каждый зверь,
 Так близко мне, так ясно стало,
 С событий пелена упала:
 Судьба закон; словам не верь.
 «Руфь»

(1916)

Дядя Юрий, отец Лизы, был огромного роста, более двух метров, грузный и очень сильный. Мой отец говорил, что как-то на прогулке, когда колеса двухместной кареты провалились в расселине, он поднял карету за задок. Тетя Соня, мать Лизы,

Лиза с братом Митей

была пышной, миловидной и очень нежной. Она, как говорил отец, «умела падать в обморок». Тогда ее брат Николай Борисович внезапно зажигал спичку у ее лица, и она приходила в себя, говоря: «Ах, Коленька, вечные твои глупости».

О детях Софья Борисовна писала: «Воспитывали мы детей заботливо, ласково, но сурово. Если муж и я говорили «нельзя», то это было беспрекословно, и они уже не приставали — «дай», «позволь». Наша задача была в том, чтобы вырастить здоровых, неизбалованных и не изнеженных людей, и с

Божьей помощью, дочь и сын были здоровые, стойкие и крепкие люди. Когда они были детьми, тетки прозвали их «маленькие спартанцы». Они были общими любимцами огромной семьи моего мужа».

По словам моего отца, суровым с детьми был только дядя Юрий, сама тетя Соня была очень мягкой и часто укрывала от мужа провинности детей, чтобы им не досталось. Однажды Лиза упала и сильно расшиблась. Она послала мальчиков за мамой: «Маменька меня проведет в дом так, чтобы не заметил папа, и переменит испачканное платье».

По имению дети бегали без присмотра, хотя у Лизы была гувернантка. Делоне тоже привезли гувернантку — француженку Нунку, но в их обязанности гулять с детьми не входило. Дети любили опасные занятия. Они отыскивали узкий залив, через который был переброшен узкий мостик. Перила к тому времени обвалились. Было чрезвычайно доблестно пройти по этому мостику. Под ногами плескалось море.

Как радостно, как радостно над бездной голубеющей
Идти по перекадинам, бояться вниз взглянуть,
И знать, что древний Бог, Бог мудрый, не жалеющий,
Не испугавшись гибели, послал в последний путь.
«Скифские черепки»

(1912)

Дети были очень ловкими. Борисик и Левенька прекрасно лазили по деревьям, недаром они впоследствии стали альпинистами. Лиза уступала кузенам в этих занятиях, зато она прекрасно плавала, а они только плескались на мелководе и так никогда и не научились плавать. Лиза же плавала упоенно.

Тебе молюсь, тебя пою,
Твой свет, твой белый блеск.
Как вихрь в волне я узнаю
Приветный, вещий плеск...
Морское дно — вот цель конечная,
Зари последней луч так прост,
А путь мой — в море, в море вечное,
Не нужен мне погост.
«Скифские черепки»

(1912)

Лиза любила парусные лодки и лихо справлялась с управлением.

Ветром полны, дрожат паруса,
Ангел поднял свой меч,
Чтобы волны рассечь
Показать корабельщикам дали.
И за ними летят небеса,
Точно алый покров.
Выплывая на лов,
Моряки ни о чем не гадали.
Вот они подплывают ко мне;
Полог неба высок,
А сыпучий песок
Острым мысом врезается в море.
«Руфь»

(1916)

У моего отца о море тех дней осталось одно воспоминание: как-то дети видели проплывающих вдали дельфинов. Они выскакивали из воды и ныряли опять, их было много, это были быстрые гонки и Левеньке казалось, что они веселились и торжествовали.

Николай Борисович часто и охотно гулял с детьми. Однажды они встретили много собак и очень испугались. Николай Борисович велел всем взять в рот шапки, стать на четвереньки и застыть на то время пока собаки не убегут. Он уверял потом, что его такому приему научил известный кинолог.

Когда Юрий Дмитриевич освобождался на время от своих дел, он организовывал охоту. Один раз взяли на охоту детей, чтобы приобщить их к этому занятию. Но результат оказался неожиданным: как только дети увидели, что папа и дядя убивают птиц, с криком «Они ведь живые!» дети попытались убежать, а потом долго плакали. Так охотников из них и не получилось: ни Борис Николаевич, ни Лев Николаевич никогда не охотились. А вот Елизавета Юрьевна в молодости охотилась. Когда после разрыва с мужем она уехала в Анапу, об этом времени писала: «Сначала просто нормальное лето на юге. Но осенью вместе со всеми не возвращаюсь в Петербург. Осенью на Черном море огромные свободные бури. На лиманах можно охотиться на уток».

Еще Юрий Дмитриевич устраивал пикники. Закладывались коляски. Дамы ехали с Лизой в сопровождении Николая Борисовича в четырехместной коляске, мальчики с дядей Юрой — на дрожках, а в отдельном возке везли всякие припасы. В каком-нибудь красивом месте остав-

Лев, Борис и Александр — двоюродные братья Лизы со своим отцом Николаем Борисовичем Делоне, дядей Лизы, 1903 г.

навливались. На траве раскладывалась белоснежная скатерть, на которой сервировали закуски. У нас до Великой Отечественной войны хранились прекрасные фотографии, на которых были запечатлены эти сцены, но фотографии пропали. Я хорошо помню Надежду Александровну и Софью Борисовну, таких великолепных, пышных дам в белых платьях с амбrellaми (кружевными зонтиками), нарядных Юрия Дмитриевича и Николая Борисовича. На первом месте были мальчики. Левенька сидел на корточках с милой своей улыбкой, и было видно, что он готов с удовольствием начать пировать. В состоянии глубокого уныния Борисик что-то чертил прутиком. Высоленькая Лиза в белом платье с бантом на поясе стояла особняком. Младшие Дима и Аля тоже присутствовали.

Вечерами, когда спадала жара, собирались в гостиной. Иногда музицировали. Играли в четыре руки на рояле или пели. Надежда Александровна великолепно аккомпанировала. Часто читали вслух. При этом слушатели должны были быть заняты каким-нибудь делом. Дамы и Лиза вышивали или вязали, а мальчики рисовали, складывали мозаики или точили чурочки для игр. Лучшим чтением был признан Николай Борисович. В то лето он читал «Дэвида Копперфильда» Диккенса. Имея перед собой английский текст, он сразу произносил по-русски. Мой отец говорил, что перевод был очень интерес-

ный, живой, но достаточно вольный. Так, нисколько не задумываясь, он вместо слова осел (donkey), которого гнала Бэтси Тротвуд со своей лужайки, читал слово обезьяна (monkey), пока Надежда Александровна не сказала: «Какой вздор, в Англии не могут обезьяны резвиться на газонах».

Когда дядя Юрий устраивал приемы взрослых гостей, дети вечером собирались вместе и рассказывали каждый, что умел. Лиза говорила о чудовищах и страшилищах. По-видимому, она так умела описать свои наваждения, что Левенька боялся после этого идти по длинному, темному коридору, это он запомнил. В воспоминаниях «Встречи с Блоком» Елизавета Юрьевна пишет: «Потом говорили о детстве и детской склонности к страшному и исключительному... Я рассказала о чудовище, существовавшем в моем детстве. Звали его Гумистерлан. Он по ночам вкатывался в мою комнату, круглый и мохнатый, и исчезал за занавеской окна».

Дети, собравшиеся в то лето в имении Джемете, были одарены особыми способностями, которые очень рано проявились и потом развились в их основное дело жизни. Б. Н. Делоне стал известным математиком, Л. Н. Делоне — генетиком.

Борисик еще в раннем детстве был очарован числами, его поражало, что их так много: «Есть тысяча, есть миллион, саксальон, но и это не конец, есть еще почтальон и это не предел». В бытность свою в Джемете он читал большую книгу по высшей математике. В отрочестве он был не вполне здоров. Он был подвержен лунатизму, и во время полнолуния за ним приходилось следить, так как он начинал ходить во сне. Моя бабушка говорила, что его нельзя было будить, потому что для лунатиков это вредно. В это время Борис был нелюдим, что затем со временем полностью прошло, и я его знала как очень милого, энергичного, окруженного многочисленными учениками. Но в Джемете он не любил компаний и предпочитал играть только со своим братом Левенькой. Надежда Александровна была строга со своими детьми, а Бориса она методически отчитывала часами. Мой отец вспоминал: «Буба страдал и тянул губу».

Левенька всегда был естествоиспытателем. Наталья Николаевна Делоне вспоминает: «Мальчишкам в саду были выделены грядки. Ни Борис, ни Аля этим не заинтересовались. А Лева посеял морковь и все время сидел возле грядок на корточках и ждал, когда она взойдет, его с трудом уводили поесть и поспать. А когда морковь всходила и подрастала, он начинал

с ней экспериментировать: одну вверх корнями пересадит, другую — боком, у третьей кончик подрежет». Так же он любил животных. Ему подарили кроликов, он их оберегал, кормил, укладывал на свою кровать. На кровати они напачкали и их решительно изгнали. Левенька завел себе кота Ермошку. Он очень радовался, что кот толстеет, а потом оказалось, что это кошка, которая родила котят. Таких рассказов очень много. Однако и кот Ермошка, и часы, проводимые за наблюдением муравьев, — все это были внешние, иногда курьезные проявления естествоиспытательской тяги к ощущению природы, живой жизни, окружающей людей. Удивительно другое: когда есть математическая одаренность или музыкальная, то чаще всего это помогает человеку в его будущей профессии математика и музыканта, но естествоиспытательские склонности не нужны современной биологии, биохимии, молекулярной генетике. Это означает только одно: биология как наука еще не стала природоведением, изучением жизни живого существа.

Очень рано способности и склонности определились у Лизы Пиленко. Это дар духовности, который окрашивал ее уже в отрочестве. «Бог всегда найдет, где проблеснуть» (В. Г. Распутин). Значительность ее натуры проявлялась ярко и всегда была заметна. Она очень рано стала писать стихи и читала их избранным, тем, кому доверяла.

По воспоминаниям моего отца, Лиза была очень дружелюбной и любила веселье. Он говорил: «Она очень громко хохотала и при этом запрокидывала голову». О характере Лизы есть в воспоминаниях Ю. Я. Мошковой: «У Лизы совершенно по-особому складывались отношения с людьми. Я не помню, чтобы она с кем-нибудь в классе ссорилась или о ком-то отзывалась плохо; она не замечала тех, кто был незначительным, мелким, пошлым. Но зато в человеке, с которым она общалась, она видела то, что

Лиза Пиленко, 1903 г.

хотела видеть, она его словно формировала на свой лад, и по своему высокому образцу». Мой отец говорил: «С Лизой всегда было хорошо, как со старшей сестрой».

Софья Борисовна очень старалась прививать Лизе светские манеры и хотела наряжать ее. Но по воспоминаниям Ю. Я. Мошковой: «Внешность Лизы как-то не гармонировала со значительностью ее натуры. Была она крупная, не по возрасту полная девушка, с большим лицом и с ярким цветом лица, черными, как вишенки, глазами и пушистыми волосами. Одевалась всегда скромно, даже небрежно, считала, что «туалеты и моды не для нее».

Мечты о жертвенном служении Богу очень рано посетили Лизу. Она лелеяла один и тот же идеал с самого детства. Софья Борисовна вспоминает, что «она с большим увлечением следила за постройкой храма в Анапе, который был основан ее дедом, а достраивался отцом. Она все скопленные в копилке деньги отдала, чтобы на стене написали образ ее святой Елизаветы». Однажды она явилась к матери с просьбой отпустить ее в монастырь. Хотя мать ей «решительно отказала, не прошло и года, как она опять пришла просить отпустить ее с богомолками посещать монастыри. И опять получила отказ». Лиза смирилась потому, что очень любила мать, несмотря на свой «бунтарский» характер, о котором говорят многие в своих воспоминаниях о ней.

Не помню я часа Завета,
Не знаю Божественной Торы,
Но дал Ты мне зиму и лето,
И небо, и реки, и горы.
Не научил Ты молиться
По правилам и по законам, —
Поет мое сердце, как птица,
Нерукотворным иконам.
Росе, и заре, и дороге,
Камням, человеку и зверю,
Прими, Справедливый и Строгий
Одно мое слово: я верю.

(1937)

В воспоминаниях моего отца нет ничего о Лизиных великих порывах. Мальчик Левенька их не заметил. Но образ «старшей сестры» в девочке-сверстнице запечатлел ее желание быть для всех опорой.

Я знаю только радости отдачи,
Чтобы собой тушить мирскую скорбь,
Чтобы огонь и вопль кровавых зорь,
Потоплен в сострадательном был плаче.
(1943)

После 1903 года семейство Делоне больше не ездило в Анапу, несмотря на то, что есть свидетельства о приглашениях Юрия Дмитриевича. Отговорились тем, что летом в Анапе слишком жарко. Очень разный уклад жизни был у семей Николая Борисовича и его сестры. В семье Юрия Дмитриевича Пиленко главенствовал он, а кроткая тетя Соня всегда отвечала согласием. В то время как Николай Борисович говорил: «Самое уютное местечко у Манюсеньки (имея в виду жену) под каблучком». Надежда Александровна была выдающегося ума и силы воли. Казалось бы, она не предпринимала никаких усилий, а все вокруг начинали ей охотно прислуживать. Я помню, как мы, внуки, совершали ритуал утренних проводов бабуся на гамак, где она читала. Гамак висел в таком месте, откуда открывался красивый вид. Один из нас нес подставку для ног, другой книгу и подставочку для книги, третий подушечки и зонтик. Бабуся обычно вязала и одновременно читала. Никто нас не просил ухаживать за ней. Мы делали это сами всегда и старательно. И так во всем.

В воспоминаниях есть разные версии того, почему Делоне не стали больше ездить в Анапу, например, что там было очень чопорно. Приходилось соблюдать светские условности, переодеваться несколько раз на дню, участвовать в приемах, которые время от времени устраивал Юрий Дмитриевич и т.д. Главным образом, я думаю, Надежда Александровна любила быть сама себе хозяйкой, и они вернулись к обыкновению ездить в Швейцарию на весь сезон. Поселялись в пансионатах Цюриха или городков недалеко от гор.

О Лизе Пиленко у всех осталось самое теплое воспоминание. Когда молоденькая Елизавета Юрьевна вошла в круг поэтов, Надежда Александровна с сожалением говорила: «Была такая прелестная девочка и опустилась до декаденства».

На самом деле Елизавета Юрьевна удивительно мало менялась, оставаясь с теми предначертаниями, которые были заложены в ней с детства. Все, что в девочке было драгоценного, человеческого, возвышенного, — все это она донесла до своего трагического конца... Как бы ни казалась противоречива жизнь Елизаветы Юрьевны, она сама всегда оставалась себе верна. Она была наделена даром прозревать будущее. Софья

Борисовна писала: «Она с молодости была уверена, что ее ожидают мучения, мытарства, мучительная смерть и сожжение... Лиза была юная, жизнерадостная, и мы не верили в ее предчувствия, а она твердо верила, но ни мучений, ни смерти не боялась».

Мне представляется, что предчувствия мученичества и оптимизм в Лизе не были в противоречии. Просто она верила в Бога, и эта светлая вера давала ей силы и наполняла радостью. Она была удивительно органична: «...нельзя мне быть иной» — знала она всегда и не изменяла себе.

Светлое воспоминание детства

Встает зубчатою стеной
 Над морем туч свинцовых стража.
 Теперь я знаю, что я та же
 И что нельзя мне быть иной.
 Пусть много долгих лет пройдет,
 Пусть будет волос серебриться, —
 Я как испуганная птица,
 Лечу, и к дали мой полет.
 Закатом пьяны облака,
 И солнце борется с звездой,
 Над каждой взрытой бороздой
 Все то же небо, так — века.
 И так века взрывает плуг
 Усталые от зерен нивы,
 И так века шумят приливы,
 Ведет земля свой мерный круг.
 И так же все: закрыть глаза,
 Внимать без счастья и без муки,
 Как ширятся земные звуки,
 Как ночь идет, растет лоза.
 Идти, смеясь, идти вперед
 Тропой крутой, звериным следом;
 И знать — конец пути неведом,
 И знать — в конце пути — полет.
 «Руфь»

(1916)

Светлое воспоминание детства сохраняла она всегда. К. В. Мочульский вспоминал: «1933 год... Поздно вечером идем с матерью Марией к Парижскому Дворцу инвалидов через эспланаду до Сены. Лунная ночь. Весна. Теплый ветер. Мать Мария говорит: «Когда я была девочкой, я убегала из дому и долго, до поздней ночи, бродила над морем. У нас в Анапе высокие откосы, густая трава, внизу скалы и прибой. Вы знаете наше Черноморское побережье? Как я его люблю... Осенью задует «норд-ост» — рвет волосы, свистит в ушах. Хорошо! Я и теперь больше всего люблю ветер. Помните у Блока: «Ветер, ветер на всем белом свете...».

Именно детство дало крепость души, которая при ее мученическом конце сохранила ей силы со светлой Верой помогать людям. Данила Ермолаевич Скобцов писал: «Мать Мария говорила окружающим ее: «Только здесь, над самой трубой крематория, клубы дыма мрачны, а поднявшись ввысь, они превращаются в легкое облако, чтобы затем совсем развеяться в беспредельном пространстве. Так и души наши, оторвавшись от грешной земли, в легком неземном полете уходят в вечность для этой радостной жизни».

Я силу много раз еще утрачу;
Я вновь умру, и я воскресну вновь;
Переживу потерю, неудачу,
Рождение, смерть, любовь.
И каждый раз, в свершенья круг вступая,
Я буду помнить о тебе, земля;
Всех спутников случайных, степь без края,
Движение стебля.
Не только помнить, путь мой снова в гору;
Теперь мне вестник ближе протрубил;
И виден явственно земному взору
Размах широких крыл.
И знаю — будет долгая разлука
Неузнанной вернусь еще я к вам.
Так, верю: не услышите вы стука,
И не поверите словам.
Но будет час когда? — еще не знаю,
И я приду, чтоб дать живым ответ,
Чтоб вновь вам указать дорогу к раю,
Сказать, что боли нет.
Не чудо, нет, мой путь не чудотворен,
А только дух пред тайной светлой наг,
Всегда судьбе неведомой покорен,

Любовью вечной благ.
И вы придете все: калека, нищий,
И воин, и мудрец, дитя, старик,
Чтобы вкусить добытой мною пищи,
Увидеть светлый Лик.
«Руфь»

(1916)

В России проживают двоюродные племянники матери Марии: Николай Борисович Делоне (физик), Анна Борисовна Делоне (астроном), Елена Борисовна Делоне (общественный деятель), Наталья Львовна Делоне (генетик) и много двоюродных внуков и правнуков матери Марии. У Анны Борисовны 2 сына и 3 внука, у Елены Борисовны 2 дочери и 7 внуков, у Натальи Львовны 1 дочь и 7 внуков. Все живут в Москве.

Литература

- 1) Гаккель С. Мать Мария (1891 — 1945). УМСА — РВЕ, 5.1980.
- 2) Грехно В. Н. Я вновь умру и я воскресну вновь... «Весть», Одесса, 1991.
- 3) Делоне В. Н. Портреты в колючей раме. О.Р., 1984.
- 4) Делоне Н. Н. Воспоминания. (Рукопись: из архива Е. Б. Делоне)
- 5) Делоне П. К. Рассуждения о вернейшем способе употребления лимонного сока в маточном кровотечении. Москва, 1854.
- 6) Кузьмина-Караваева Е. Ю. Скифские черепки. Петербург, 1912.
- 7) Кузьмина-Караваева Е. Ю. Руфь. Петербург, 1916.
- 8) Мать Мария. Стихи. Париж, 1949.
- 9) Мать Мария, Кузьмина-Караваева Е. Ю. Избранное. «Сов. Россия». Москва, 1991.
- 10) Монахиня Мария. Стихи. Берлин, 1937.
- 11) Мочульский К. В., Монахиня Мария Скобцова. Третий час. Нью-Йорк, 1946.
- 12) Мошковская Ю. Я. Воспоминания, архив.
- 13) Пиленко С. Б. Воспоминания. Париж, 1947.
- 14) Скобцов Д. Е. Из воспоминаний. Париж, 1947.
- 15) Елена Делоне. Горячее сердце. Нескучный сад. Православный журнал о делах милосердия, № 4 (11). Москва, 2004.
- 16) Шаров А. С. Российские Делоне в легендах, воспоминаниях и документах. Москва, 1998.
- 17) Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. 1896.
- 18) БСЭ. 3-е издание. 1972.
- 19) Протоиерей Сергей Гаккель. Мать Мария (1891 — 1945). Материалы по истории церкви. Книга 2. Издание ОВПМД — отдела всецерковного православного молодежного движения, г. Москва, ул. Крутицкая, 8. (Подписано в печать 7.04.93 г.)

Фотографии

- 1) С. 4. Борис Петрович Делоне — дедушка Лизы по материнской линии.
- 2) С. 7. Софья (в будущем мать Лизы) со своим братом Николаем и отцом Борисом Петровичем Делоне.
- 3) С. 8. Николай Борисович Делоне и его жена Надежда Александровна Георгиевская.
- 4) С. 10. Софья Борисовна Пиленко — мать Лизы.
- 5) С. 11. Дмитрий Васильевич Пиленко — дедушка Лизы по отцовской линии.

- 6) С. 12. Юрий Дмитриевич Пиленко — отец Лизы.
- 7) С. 16. Лиза с братом Митей.
- 8) С. 19. Лев, Борис и Александр — двоюродные братья Лизы со своим отцом Николаем Борисовичем Делоне, дядей Лизы, 1903 г.
- 9) С. 21. Лиза Пиленко, 1903 г.

Алфавитный именной указатель

Ахматова Анна Андреевна — с. 3, 5.

Блок Александр Александрович — с. 15.

Гаяна, дочь Е. Ю. Кузьминой-Караваевой — с. 10, 12.

Георгиевский Александр Иванович — с. 9.

Де Лоне (De Launay), семья — с. 3.

Де Лоне Бернар (Bernard de Lanuay) — с. 4.

Де Лоне Пьер Шарль Мари (Pierre Charles Marie de Lanuay) — с. 3, 4.

Делоне Александр Николаевич — с. 3, 13, 19.

Делоне Анна Борисовна — с. 4, 26.

Делоне Борис Николаевич — с. 3, 13, 17.

Делоне Борис Петрович — с. 4, 6.

Делоне Вадим Николаевич — с. 6.

Делоне Елена Борисовна — с. 26, 27.

Делоне Лев Николаевич — с. 3, 13, 17, 18, 19, 20, 21, 22.

Делоне (урожденная Георгиевская) Надежда Александровна — с. 3, 9, 10, 13, 19, 20, 23.

Делоне Наталия Николаевна — с. 3.

Делоне Николай Борисович-старший — с. 3, 7, 8, 13, 16, 18, 19, 20, 23

Делоне Николай Борисович-младший — с. 26.

Делоне Петр Карлович — с. 3, 4.

Денисьева Елена Александровна — с. 11.

Денисьева Мария Александровна — с. 9.

Дмитриев-Мамонов Александр Матвеевич — с. 5.

Дмитриев-Мамонов Василий Михайлович — с. 6.

Дмитриев-Мамонов Матвей Александрович — с. 5.

Дмитриева-Мамонова Софья Александровна — с. 5, 7.

Жуковский Николай Егорович — с. 8, 9.

Кузьмина-Караваева Елизавета Юрьевна (см. Скобцова Е. Ю.)

Кузьмин-Караваев Дмитрий — с. 6, 12.

Людвик Святой — с. 3.

Мать Мария (см. Кузьмина-Караваева Е. Ю.)
Мошковская Ю. Я. — с. 27.

Нарышкины — с. 5, 6.

Петр Великий — с. 6.

Пиленко Дмитрий Юрьевич — с. 3, 10, 13, 19.

Пиленко Дмитрий Васильевич — с. 11.

Пиленко Елизавета Юрьевна (см. Скобцова Е. Ю.) — с. 3

Пиленко Сергей Владимирович — с. 4.

Пиленко Сергей Дмитриевич — с. 6.

Пиленко (урожденная Делоне) **Софья Борисовна** —
с. 3, 10, 11, 12, 14, 16, 17, 19, 22.

Пиленко Юрий Дмитриевич — с. 3, 10, 11, 13, 14, 16, 17, 18, 19, 24.

Сикорский Игорь Иванович — с. 8.

Скобцов Данила Ермолаевич — с. 25.

Скобцова Елизавета Юрьевна (мать Мария) — с. 3, 6, 7, 10,
11, 13, 17, 18, 19, 20, 21, 23, 24.

Скобцов Юрий Данилович — с. 10.

Смоленский Константин Ростиславович — с. 5.

Толстой Лев Николаевич — с. 5, 9

Тухачевская Елизавета Николаевна — с. 4.

Тухачевский Николай Сергеевич — с. 4.

Тютчев Федор Иванович — с. 9, 10.

Фонвизин Иван Андреевич — с. 5.

Шаров Александр Сергеевич — с. 3.

СОДЕРЖАНИЕ

Легенды рода.....	3
Родное гнездо Джемете.....	11
Светлое воспоминание детства	24
Литература	27
Фотографии.....	27
Алфавитный именной указатель.....	29

Делоне Наталия Львовна
**РАССКАЗ МОЕГО ОТЦА О ДЕВОЧКЕ,
КОТОРАЯ ПОТОМ СТАЛА МАТЕРЬЮ МАРИЕЙ**

Компьютерная верстка выполнена издательством «Имидж-Пресс»

Подписано в печать 20.06.05. Формат 60Х90/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 2. Тираж 100 экз. Заказ 13

Отпечатано в ООО «Типография «Имидж-Пресс»

142111, г. Подольск, ул. Юных Ленинцев, 59

...Всю свою жизнь она писала стихи. В 1908 году она впервые пришла к Александру Блоку. Она писала ему восторженные письма, и известно несколько писем поэта к ней... В 1918 году, стремясь отстоять порядок в городе Анапе, она, двадцатисемилетняя отважная женщина, работала градоначальницей...

Тяжелые годы эмиграции привели Елизавету Юрьевну Кузьмину-Караваеву, в монашестве — мать Марию, к подвигу Любви и Сострадания, который она пронесла до самой своей мученической гибели 31 марта 1945 года в фашистском Югендлагере, куда была отправлена за активное участие во французском Сопротивлении. Вместе со своим двадцатилетним сыном Юрой, который впоследствии разделил участь матери, она осуществляла дерзкие операции по спасению людей в оккупированном Париже.

По множеству свидетельств союзниц матери Марии, она, отличаясь исключительной жизнестойкостью и непоколебимой верой, была опорой для многих.

Москва
ООО «Имидж-Пресс»
2 0 0 5

ISBN 5-94209-004-1

ВАШИ ОТЗЫВЫ, КОТОРЫЕ БУДУТ ВНИМАТЕЛЬНО ИЗУЧЕНЫ И ПРИНЯТЫ С БЛАГОДАРНОСТЬЮ, МОЖНО ПРИСЫЛАТЬ по адресу:
Россия, Москва 127006, до востребования, Урусовой Варваре Михайловне, для автора.

Сайт Н.Л. Делоне: www.N-L-Delone.ru Зеркало сайта: <http://delone.botaniklife.ru>